

Об авторе

Р.А. Балакшин родился в 1944 году в деревне Коротыгино Грязовецкого района Вологодской области. Учился в школе, окончил строительный техникум, служил в Советской Армии. С 1985 года - член Союза писателей. Автор 50 книг прозы (двухтомник житий святых для детей, книга о Дмитрии Донском, «Страсти по дому» и др.). Перевёл с немецкого языка сказки Рихарда фон Фолькмана.

Лауреат Государственной премии Вологодской области по литературе, номинант Патриаршей литературной премии.

ISBN 978-5-906850-93-5

9 785906 850935

К-1496645

В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

17 ИЮЛЯ 1918 г.

Р. А. Балакшин

В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

17 ИЮЛЯ 1918 г.

Поэма

Р. А. Балакшин

**Вологда
2018**

УДК 821.161.1
ББК 83.8(2Рос-4Вол)
Б20

*Автор приносит сердечную благодарность русским людям,
которые способствовали изданию этой книги*

Балакшин, Р. А.

Б20 В Екатеринбурге 17 июля 1918 г. : поэма / Роберт Балакшин. –
Вологда : Сад-огород, 2018. – 60 с. : ил. – 12+

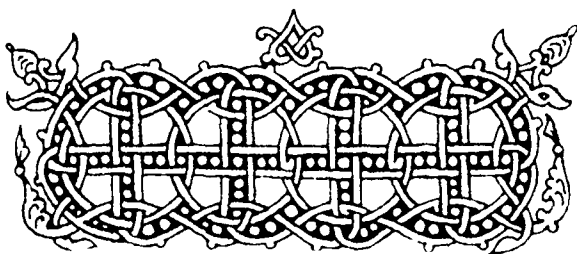
ISBN 978-5-906850-93-5

2018 год – 100 лет со дня убийства царя Николая II и Его Семьи.
О событиях, предшествовавших убийству, повествует поэма вологодско-
го писателя Р.А. Балакшина.

УДК 821.161.1
ББК 83.8(2Рос-4Вол)

ISBN 978-5-906850-93-5

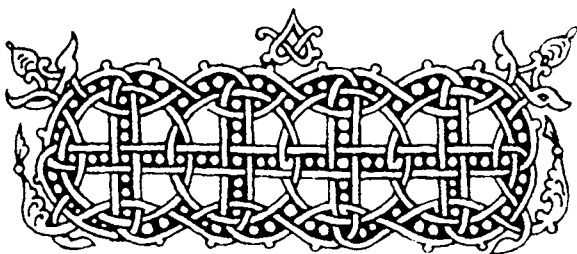
© Балакшин Р. А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Сад-Огород», 2018

Предначинательная МОЛИТВА

Господи сил, помоги мне, Благой, Вседержитель!
Память, верни к жизни образ Царя,
Александрова сына,
И дорогую супругу его Александру,
и деток невинных,
Всех, убиенных в тёмном подвале старинного дома
В Екатеринбурге, столице краёв зауральских.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Отъезд из Царского Села

День роковой наступил, и рассвет не умедлил проснуться,
Прочь прогоняя незваные призраки обманщиков снов.
Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос,
Вновь появленьем своим мир озаряя сей бренный,
Полный забот и тревог, и скорбей,

человеку от века присущих.

С ними влачит жребий свой он,

за гробом лишь с ним расставаясь.

Свет зазвучал, заструился по улицам града Петрова,
Люди пошли, застучали шумливо извозчичьи дрожки.
День начался, самый обычный из дней. Но не для всех.
Царской Семье накануне, едва завершилась вечерня,
Стражи начальник сказал,

чтоб к отъезду готовились нынче.

Дети от счастья забегали весело в зале и хоровод завели,
Сам Алексей цесаревич и сёстры Ольга, Татьяна,

Мария и Анастасия.

К бабушке едем (ура!), в Ливадийский дворец белоснежный.
Все предвкушают, что скоро в Крыму они будут,
Снова услышат, как Чёрное море шумит неустанно,
Плещет прибойной волной

на скалистый обрывистый берег.

Там всех их бабушка добрая ждёт, императрица Мария.

Ждёт она их, пишет в письмах,
 что сильно по внукам скучает.
Как же детей не любить, поросль юную
 и продолжение рода?

Взгляд веселится, на детские глядя забавы.
Им суждено воспринять всё достоинство предков своих,
Славу их славой деяний своих на века преумножить.
Ведать не может ни бабушка Императрица,
 ни внуки любимые ею.

Участь иная их ждёт, и венцы им готовы иные.
Нет, не увидят они ни Ливадии дивной,
 ни пенного Чёрного моря,
Где адмирал Ушаков и Нахимов упрочили славу России.
В Крым обещал их отправить, в том клялся усердно
Керенский сам, временный новый владыка России.
Но сам он не волен в поступках своих,

 управляют им люди такие,
Что ненавидят Россию нутром своим, жадным, свирепым,
Злобным и мрачным, как адская ночь.
Путь ожидает Семью в сибирские хладные дали,
Где Ермак удалой, устюжане пытливые землепроходцы,
Путь отворив на восток, покоряли Отечеству новые земли.
Ну а позднее по тем же путям в ссылку, на каторгу шли
Те, кто ни Бога, ни Царя, ни людей не стыдились.

Быстро собрались дети, родители,
 и все сошлись в вестибюле.
Долго сидела Семья, ожидая автомобиля,
 что на вокзал отвезёт их.

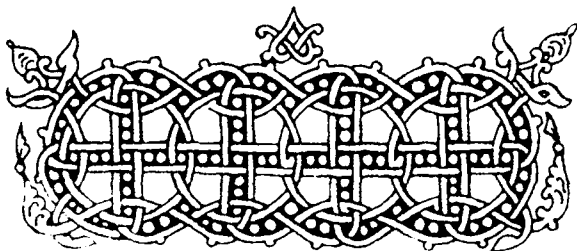
Тихо было вокруг, одиноко, и грустно, как и бывает
 перед внезапной разлукой
С милыми сердцу местами, где было прожито
 много весёлых и светлых минут.
Только фигуры солдат караульных
 в сумраке ночи виднелись.

За несколько дней до отъезда один из солдат
 козлёнка убил, спутника в играх Алёши.

Мальчик не в силах понять был, зачем,
 почему он это сделал?
 Чем помешал ему маленький, бедный белый козлёнок?
 Весело козлик играл и блеял так смешно и забавно.
 И так потешно вилял и крутил его крохотный хвостик.
 Боже, зачем, почему люди так злы и жестоки?
 Ты им любовь завещал, пострадал из-за них на кресте.
 Отчего же, всё позабыв, и слова Твои,
 зло все творят безпричинно?
 Горько и долго мальчик рыдал над телом мохнатого друга.
 И ведь никто не пришёл, слова никто не сказал
 козляти невинной убийце.
 Подло и зло он поступил, тварь беззащитную жизни лишив.
 Мама-царица тогда лишь утешила сына,
 К сердцу прижав, слёзы отёрла ему, голову нежно целуя.
 Дети терялись в догадках:
 как, отчего люди все изменились?
 Были так вежливы, предупредительны,
 волю любую готовы исполнить,
 Раньше летели навстречу в поклоне,
 улыбки простой ожидая.
 Нынче ж идут стороной, и взгляды свои как-то вбок убирают.
 Струсили взрослые люди?
 Но как же России быть без героев?
 Если все взрослые трусить начнут
 и глаза свои в сторону прятать.
 Так думал светлый отрок Алексей, Наследник престола.
 Все разбежались: и офицеры, что на «Штандарте»¹
 с княжнами великими вальсы кружили.
 Кто-то в несбыточных сладких мечтах видел, может,
 их в женах своих.
 В жизни реальной, конечно, такой méсalliance невозможен.
 Но отчего бы не помечтать, это юности свойственно пылкой.

¹ «Штандарт» - императорская яхта, заложена в 1895 г. водоизмещ. 6,4 тыс. т, длина 128 м., осадка 6,6 т, скорость хода 22 узла, экипаж: 16 офицеров, 357 матросов, в 1938–48 гг. минный заградитель, разобран на металл в 1960-х гг.

Нет офицеров,
одна лишь прислуга царицы ей верной осталась,
Да доктор, Боткин Сергей, один из немногих,
кто не покинул Семейство в несчастье,
Кто не оставил Семью,
с ними он будет до последнего смертного часа,
С ними сойдёт он в проклятый подвал,
где и падёт под пулями осатаневших убийц.
Он, как и врач, пациентов не мог своих бросить,
и как русский любил своего Государя.
Медленно время тянулось, стало светать,
летняя ночь незаметно проходит.
Так, прикорнув на узлах, чемоданах дорожных
воздремали детишки.
Мать же с отцом глаз всю ночь не сомкнули в тревоге.
Что же случилось, стряслось, неужели отмена поездки?
Вновь во дворец возвращаться, детям обида, волнение.
Керенский вновь обманул? Как не раз он уже это делал.
Но тут громко мотором треща, подкатила машина.
Старый, привычный авто,
на котором не раз Царь выезжал из дворца
В Петроград, на парады, на фронт войска провожая.
Но chauffeur не знаком, не приветлив,
и лишь головою кивнул.
Выехал грустный кортеж под конвоем из конной охраны.
Город проснулся, но народу на улицах было немного.
Ровно гудели моторы, унося их из родимого им Петрограда.
Царь вспоминал, как Керенский их провожать приходил.
Как, покраснев (стыд всё же есть),
скромно прощенья просил, что не в Крым они едут.
Вот и вокзал, и знакомый перрон.
И тотчас же рой воспоминаний в памяти хлынул.
Как отъезжали в Бородино
на торжества юбилейные битвы великой.
И в Кострому в монастырь,
в Курск на прославление Саровского старца.
Первым в вагон Государь заходил, а за ним и Царица,

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

По Руси

В первый день ехали днём, график движенья затем изменили.
Поезд двигался ночью, литерным был он,

для него и график особый.

Днём остановка на перегоне,

длинная вплоть до вечера, пока не стемнеет.

Арестованным «пассажирам»

выйти на волю тогда дозволялось.

На час – полтора и под охраной.

Но, чтобы из поездов проходящих

Не привлекать любопытство

(что за состав в чистом поле и люди с оружием?),

В цепь рассыпались стрелки,

для стрельбы изготовившись лёжа.

Но непонятно зачем это, для чего? Для порядка?

Ибо представить нелепо,

что Царь и Царица, и их августейшие дети

Вдруг побегут, от охраны задумавши скрыться.

Быстро кончался прогулочный час, и потом целый день

В душном, постылом вагоне им приходилось томиться.

Но только вечер повеет

и сумерки небо затянут своей пеленою,

Вновь паровоз поднимает пары

и немолчную песню заводят колёса.

Кто её знает слова, что она прочит невольникам бедным?
Череповец миновали, городок захолустный, невзрачный.
Кто мог подумать тогда, что он городом станет могучим,
Будет твердыней на Севере нашей державы Российской.
Вологду ночью проехали, дивный сей град миновали.
Много святых просияло в вологодских краях благодатных.
Общим соборным трудом, исполняя обет, данный Богу,
Благочестивый народ воздвиг однодневную Церковь.
Град сей цари посещали не раз;

Иоанн по прозванию Грозный,
Храм здесь святой заложил во имя Успения Матери Божьей,
Гордость и велелепоту сих краёв полунощных.

Пётр Алексеевич, преобразователь России,
строитель военного флота,
Пять раз бывал здесь, святителя Гавриила вельми отличая,
Щедро тот бронзою колокольной с Царём поделиться изволил.
(В бронзе на пушки, вестимо, нуждался Пётр
после конфузии Нарвской.)

В церкви обыденной, славной усердно молились
Два Александра Царя – Благословенный и Освободитель.
Здесь преклоняла колени и истово била поклоны земные
Елизавета, супруга великого князя Сергея,
Что от руки двух убийц злочестивых
пал в Кремле златоглавом.

Сам Константин Победоносцев и Иоанн Кронштадский
В этой святыне молились у чудотворного образа Спаса.
Много святынь в богоспасаемом Вологде-граде,
Но мимо них с грохотом вдаль просвистел в ночи
экстренный поезд.

А за окном постепенно менялся пейзаж придорожный.
Назад уплывали картины привычных российских просторов.
Стала холмистее местность. Вот показались Уральские
горы, всё детский восторг вызывало.
Скалы им не в диковинку были,
много их в шхерах финляндских,
Но высоту такую видеть им только в Крыму доводилось.

А Государь рассказывал детям о малахите, топазах, опалах
И о богатствах прочих,

что в горах Рифейских пока сокровенно таятся.

Так Государь своим детям

историю и географию государства родного

Преподавал.

Чтоб каждый миг, каждый час был использован с толком,

Чтоб невпустую любимые дети свободные дни проводили,

Чтоб каждый день оправдали трудом, получением знаний.

Жизнь изменилась, и так она нынче сложилась,

Что продолжать жить как встарь, невозможно,

но это не повод

Дни свои в лени бездельной, бесплодной пробовать.

Нет, дорогие мои, человек трудолюбец и Богу угоден.

Так своих деток в пути многоскорбном и трудном

Царь поучал.

И они ему чутко с любовью серьёзной внимали.

Мчится короткий состав, пять вагонов, стоят,

как столбы, часовые.

Грозно грохочет на стрелках, стремглав через них пролетает.

Дым из трубы вперемешку с летучими искрами вьётся.

Мчится таинственный поезд, вне расписанья,

обычных маршрутов.

График движенья секретный, никому он ни в чём не отчётен,

Мчится по рельсам судьба Руси православной,

великой и вечной.

Ночью приехали в город Тюмень.

Конец сухопутной железной дороге.

Прибыли ночью, подстроено было нарочно,

чтобы народ не узнал

О прибытии Царской Семьи,

потому что народ в глубине своей вещей

Верил в Царя, продолжал его чтить и любить безкорыстно.

Ведь на Руси и поговорка такая была:

Русский народ без Царя сирота.

Отец и сын

Пуще всего сострадали люди простые о детях царёвых,
об Алексее и сёстрах его ненаглядных.

Выросли сёстры на диво невесты, одна другой краше.

Им-то страданье за что?

Ежели батюшка-царь оказался кой в чём не искусен
Ну а Царица, а дети его, их-то какая вина?

Русские женщины сердцем своим материнским

Чуяли, совершается здесь большая неправда,
грех непростимый.

Каждый родитель кровину свою вспоминал,
ведь беда может со всяким случиться.

Ночью сырою промозглой, путь освещали
лишь фонари «летучие мыши»,

Во тьме запинаясь на скользкой и грязной дороге,
в сопровожденье охраны

Молча шагала Семья со станции на пристань речную.

Можно б дождаться утра, и при свете дневном,
чтобы не мучить людей,

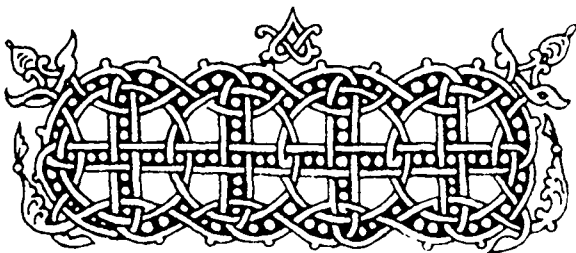
Всем прибыть на пристань,
но всё в секрете должно было вершиться.

Только глупы и напрасны чекистские были старанья;

Как-то народ всё равно узнавал, что на поезде,
на пароходе едет Семья.

Недаром есть и присловье такое: полнится слухом земля.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

На пароходе

Шлёная быстрыми плицами, плыл пароход по Туре и Тоболу.
Стало полегче, в вечернее время на палубе чаще гуляли.
Долго царевич у борта стоял и смотрел безотрывно на воду.
Думы не детские в сердце его повзрослевшем всплывали:
Жизнь не проходит ли так, как волна,
и следа за собой не оставив?
Править он будет страной или кто-то иной
его место заступит?
Будет ли этот иной так же искренне предан России,
как отец его учит?
Пламенно так же, как Церковь святая
нас исстари учит или же...
Но тут в поток размышлений его ворвалась картина:
Шёл пароход меж высоких берегов каменистых, угрюмых.
Тень облаков по земле, как воспоминанье
о прошлых годах, скользила.
И на один из утёсов красавец-олень важно вышел.
Рослый красавец, таких редко встретишь
и в этом краю заповедном.
Вышел и замер, главу свою с кроною мощных рогов
величаво откинув,
Голову гордую поднял свою и громко вдруг затрубил.
Грозному горному рогу охотника свыше

был этот голос подобен.
Мощно, призывно, к небу неслись небывалые звуки.
Слышалось в том призываньи буйной
и радостной жизни цветенье,
Жизни, которой конца нет и нету начала.
Жизнь ликовала сама в этом голосе страстном, гортанном.
Зверь не боялся людей, их он видел, но будто бы знал:
Нет здесь угрозы ему и потому неподвижно стоял,
не шелохнувшись.

– Словно Евстафья Плакиды олень, –
прошептала чуть слышно Мария...
– Только креста меж рогов не хватает, –
ей отозвалась Татьяна².

Все любовались виденьем: Семья и парохода команда.
Сбавил свой ход пароход и самым малым пошёл.
И в тишине сочно – швупс-швупс – шлёпают плитки в воде.
Сгрудились все у борта, как вдруг, эхом отдавшись в горах,
Словно гром средь ясного дня выстрел прогрохотал,
сразу другой,
Пошатнулся красавец таёжный, ноги его подломились,
упал он с утёса и вниз покатился.
Всем было слышно, как ломаются ветви,
трещат от падения грузного тела.
Кто-то подкрался и подло, словно из-за угла, застрелил его.
В голос заплакали дети, матросы вздохнули,
но комиссар улыбнулся:
– Доброе было бы нам угощенье сегодня на ужин. –
Можно б и чарку за это
Тогда опрокинуть, – захохотав, поддержал его рыжий охранник,
Что за Семьёю усердно следил, хоть его не просили об этом.
Люди такие есть доносчики по натуре своей.

Шёл пароход по широкой реке,
на берегу разметнулось село пребольшое.

² В житии святого Евстафия Плакиды (118 г.) повествуется, что на охоте он встретит оленя, на челе которого, между рогов, сиял православный крест.

– Эвон Григорья Распутина дом, –
махнул матрос на избу под железною крышей.
Был человек непростой, на Расею на всю знаменитый. Да.
Встала Семья, благоговеньем глубоким объята,
Перекрестилась на избу ту глядя, земной положила поклон.
Слеза не одна и у Царя, и у Царицы и у детишек царских
проблестела.

Григорий очень Семью почитал,
и за всех совокупно молился.

А во дворец, собираясь, бывало,
Каждой царевне, и Лёше (любимцу)
покупал завсегда на базаре

Самый гостинец простой, немудрящий:
игрушку иль на палочке сладкий леденчик.
Много добра царской Семье он принёс,
слёз осушил много горьких.

В жизни семейной кручина супругов одна тяготила:
Нужен наследник был, продолжатель династии, рода.
Ну а у них одни дочери только рождались.
Тоже желанные, тоже любимые, но где же мальчик?
И услышал Господь всей России молитвы
В лаврах, обителях, храмах приходских к Нему возносимые.
Радость объяла страну: великий князь Алексей народился.
Всюду молебны в церквях, всюду пиры, ликование народа.
Но вместе с радостью велией,
горе такое же на супругов упало.

На то он и Царь, всё у него велико: и радость и горе.
Сын долгожданный, отрада Семьи и России,
был от рождения болен

Страшной болезнью,
при ней кровь не перестаёт течь у больного.

Малый порез, безобидная вроде бы ранка
К смерти могли привести. Шумных игр
и подвижных забав следовало опасаться;
Принц один великобританский умер совсем молодым
от кровоподтёка, который в игре получил.
Дети владык земнородных этой болезнью страдают.

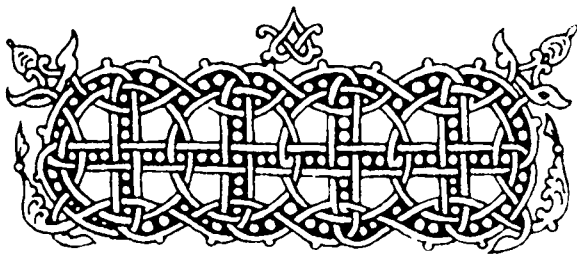

Друг Семьи

Если мальчишка здоров и весел, он будет бегать.
Разве возможно здоровое детство без бега?
Бегал наследник и падал, конечно, и получал синяки.
Каждый синяк, это рана, внешне не видная,
но опасная всё же.
В те времена безсильна была медицина,
чтобы страдальцу помочь.
Руки врачи опускали свои
перед недугом коварным, жестоким.
А полуграмотный русский мужик силу такую имел:
кровь останавливал словом.
Скажет лишь слово одно, помолившись при этом,
И прекращается боль, снова Алёша здоров,
весел он, мать весела.
Словно посланника Божия, мать и дети его принимали.
– А человек был простой, –
продолжал словоохотливый путник –
Тороватый, не жадный, многим в селе помогал
словом и, главное, делом.
Денег отвалит кому на корову, или избу починить
или что-то другое исделать.
Да, почитай, пол-села коровы его кормят, удоиные шибко.
Все ведь ведёрницы, нет почти тех, которые маломолочны.
После потоков неистойвой лжи,
оскорблений и мерзких и гнусных,
В адрес их друга в Москве и в Петрограде в те годы
звучавших,
Сладостно было Семье слышать слова от человека простого,
Было приятно слова доброты и приязни
про Григория слушать,
И говорил их простой человек,
ни наград, ни похвал не ожидая.
– Что же за кат на Григория руку-то охальную поднял?
Чтобы ни дна, ни крыши ему в нынешнем веке
и в будущем.
Чтоб ему... Но комиссар подошёл,
запретив говорить ему дальше.

Через неделю пристань вдали показалась,
низенький дебаркадер.
Дал пароход приветствия знак –
гудок басовитый протяжный,
Что разорвал тишину, по горам прокатившись окрестным.
О брус причальный стукнулся борт парохода,
брошены прочные сходни,
Сходит на берег Семья, всем уж прискучила
мерная тряская дрожь,
Что от машины работавшей
по всему корпусу распространялась.
Хоть отдохнуть от неё, твёрдую землю
опять под ногами почуять.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В Тобольске

Царь в этом городе был, не впервой ему видеть
улиц Тобольских простор
И пятиглавие церкви соборной Успенской.

Он из Японии ехал,
Домой возвращался из дальней поездки. Встретил его
губернатор Тройницкий,
Архиерей Иустин, епархиальный владыка,
чиновные прочие люди.

Где-то сейчас они, где-то страдают, мыкают горе.
Город Тобольск знаменит, много людей здесь
достойных родилось.

И композитор Алябьев, чей «Соловей»
до сих пор репертуар певиц украшает.
Сам Менделеев, науки химической гордость и слава.
Яркий Перов, живописец, с его за сердце берущую «Тройкой».
Здесь же «Конёк-горбунок»

под бойким Ершовским пером поскакал.
Как ты щедра и богата, родная Россия,
в каждом городе будь то губернский,
Уездный, кто-то великий родился.

В Вологде Батюшков, Пушкин в Москве
В Риге Врангель барон, в Петербурге Колчак,
адмирал знаменитый,
Полярник, флотом командовал он Черноморским.

После прогулки по берегу,
к их огорчению поспешной, недолгой,
Всем снова на пароход велено было вернуться.
Остановили машину, шатуны неподвижно замерли,
словно железные брёвна.
Чудно и страшно идти было по палубе рифлёной, железной.
Каждый твой шаг под тобой отдавался звуком таким,
как над пропастью будто проходишь.
Вместе с матросом одним
Алексей в трюм машинный спустился,
Вылезал всё, всё потрогал и столько вопросов задал,
Что тот матрос несколько дней вслух восторги свои
всем изъяслял.
На замолчавшем немом пароходе жила с неделю Семья,
только на берег на прогулку сходила.
Но завершился ремонт, дети обрадовались новоселью,
пляшут, поют, веселятся.
Однако не знают, сколько ещё предстоит им
таких «новоселий» изведать.

Как люди русские, чтитла Семья Православную Церковь.
Знала все службы, любила хоров сладкогласное пенье,
Образы древних икон, колоколов перезвон,
Всё, что божественной службы красоту образует,
Что составляет души православной любовь и отраду.
Только закончилось их путешествие,
Царь сразу стал добиваться,
Дабы им в Церковь сходить разрешили.
Хоть комиссар и считал все поповские службы
блажью и дурью пустою,
Строить препятствий не стал, лишь одно обусловив безспорно:
– Всенощную будете дома служить, на квартире,
в домашних условиях,
(Так он сказал.) – А на обедню, что ж,
в церковь свою отправляйтесь.
Радость огромная всех охватила,
когда в дом священник пришёл.

Мать и дочери

Ринулись дети гурьбой, чтоб получить благословение первым.
Спорят, смеются, шумят и толкаются даже.
Аж прослезился отец иерей, такую любовь увидав.
Он понимал, что царские дети видят впервые
его и лично вовсе не знают.
Любовь их не к нему проявляется бурно,
к сану его иерейскому,
Так, зная, родители их к этой любви приучили.
В день же воскресный от дома, вплоть до собора,
солдат две шеренги стоят.
На расстоянии метров пяти, каждый с винтовкой «к ноге».
В этом живом коридоре Семья августейшая
к праздничной шла Литургии.
Царь впереди (на руках нёс наследника-сына);
чуть приотстав,
На полшага всего, павой плыла мать-царица,
а замыкали процессию, девы,
Как голубицы четыре в ангельски белых
воздушных платочках.
А позади тех шеренг люди тобольские молча молились,
и в их молчанье
Чуялась грусть и сочувствие, многие, встав, на колени,
крестились и клали поклоны.
На Литургии молилась Семья Богу,
а народ весь в собор не пустили.
Там, где положено, с хором пропели
Символ веры и Отче наш.
Благоговеино Таин Святых причастились они,
слушали проповедь,
А молитвы, о причащенье бываемые, сам Государь прочитал.
И серебристо легко голос его в опустелом соборе звучал.
Он и теперь не умолк, если зайдёте в собор
с чистой смиренной душой,
И воззовёте к Семье августейшей, то вы услышите:
– Боже, ослаби, остави...
Снова меж двух неподвижных шеренг
Семейство домой возвратилось.

Царь Николай с отроком Алексеем
самым простейшим трудом занимались:
Снег расчищали зимой, дружно пилили дрова. Радостно
пела пила в царских проворных руках.
– Что это за человек, – Царь говорил, –
если такой ерунды, как дрова, он напилить не сумеет?
Труженик Богу угоден, в древней пустыне
угодники Божии жили.
Все трудолюбцами были большими,
Господь неспроста их прославил.
Вечером следовал скромный обед, ближе к полуночи
чай, день завершался молитвой грядущим на сон.
В тот год зима лютою выдалась,
в комнатах холодно было ужасно.
Дети так зябли, что в доме валенки даже,
и шубы с себя не снимали.
У родителей просто сердца разрывались, кашель их слыша.
Все вспоминали невольно вольготную жизнь в Петрограде:
В Зимнем с прогулки вернёшься, бывало,
в снегу навалевшись, прозябнешь.
Снимут с тебя всю одежду и к ласковой печке
спешишь поскорее.
Печи дворцовые так истопник распалит,
что они жаром пышут.
К кафлям приникнешь, тепло побежит, согревая всё тело.
Если ж ладони приложишь к поверхности кафли,
то сразу отдёрнешь:
Так горяча накалённых голландок поверхность.
Государь спросил комиссара: нельзя ли
печи топить посильнее?
– Сколько положено дров, – грубо отрезал ему комиссар, –
из расчёта такого и топим.
Ну а для Вас, гражданин, все поблажки закончились нынче.
– Я не поблажек прошу, – Царь отвечал, – я говорю не об этом.
Холодно, в комнатах пар изо рта,
нельзя ли топить потеплее?
Мать за детей беспокоится, вдруг не ровён час простынут.

(Что я сделал ему, чтоб со мной разговаривать
столь оскорбительно грубо?)

– Мать у вас есть, гражданин комиссар?

– Вам что за дело, вы не полицейский чиновник,
чтоб задавать мне такие вопросы.

Я сирота, что ещё Вам в жизни моей интересно?

Где я сидел и за что, сколько раз убегал,
как ловили и по этапу гоняли?

– Жаль Вашу матушку, – молвил ему Государь, не дослушав. –
Столь знаменитым сынком впору б ей было гордиться.

Столько сарказма в царёвых словах прозвучало негромких,
Что комиссар понял всё и с безсильной злобою сплюнул.

– В комнате на пол плевать – показатель прямой безкультуры.

Царь тряпку взял и плевком комиссара затёр аккуратно.

Комиссар онемел при картине по его разумению дикой:

С тряпкою грязною Царь! Он ни за что бы на свете
тряпку такую не взял.

Что это за человек, как его можно понять?

Хоть Государь ничего не решал,

не руководил государством, но всё же

Быть в стороне не желал и следил за происходящим в стране.

Как-то, ещё в Петрограде то было, души их всех

всколыхнула надежда:

Фронт юго-западный вдруг перешёл в наступленье в июле.

Фронтом командовал славный, известный Брусилов.

Как же отлично наступленье тогда началось:

взяты Станислав и Луцк.

И неприятель бежал, десятки тысяч австрийцев в плену,

но потом...

Керенский, пошлый трепач, с армией, что сотворил,

есть боевые полки,

Что в бой идти не хотят: нынче свобода у нас,

равенство, братство.

Мы умирать не хотим, всех отпускайте домой.

Власть захватившие болтуны из Государственной Думы,

полную тупость,

Мысль о Соборе в сердцах православных годами таилась,
С этим наследством Петра Церковь

давно распрощаться хотела:
На древний отцовский престол вновь возвести Патриарха.
Мудро крестьянин один на Соборе сказал:
«Нынче у нас нет царя. Нам некого стало любить,
вот потому мы должны себе Патриарха избрать».

После годичных отрадных вестей с фронта
печальные сводки пошли.
Немцы снарядами сыпали, сильно давили,
наши штыки отходили, и вскоре
Немцами Рига взята, город наш русский, богатый, красивый.
Там он бывал семь лет назад, съехалось много людей
из Петербурга, Москвы.
Смотр гарнизона удался, чётко солдаты прошли,
после же в Царском саду
Был Государю Петру памятник конный открыт.
Ровно два века назад Латвия с русской землёй соединилась,
стала России сестрой.
Ведь, почитай, тыщу лет русский крестьянин
с латышским в добром соседстве живут.
В речи латышской мягкой, напевной
русская древняя чуется речь.
Верю, не долго быть Риге немецкой, русский солдат
возвратит ей свободу и песню.

Жизнь так устроена Господом мудро, что добрая весть
сменить плохую спешит.
На Государственном совещании,
выступил с речью Корнилов,
Тот генерал, что, присягу презрев, арестовать его заявился.
Главнокомандующего, своего командира, как он мог?
Ну, да простит его Бог, я ему не судья,
но слова говорил он нынче такие,
Какие и должен всегда русский солдат говорить.
Нужен хозяин стране, что остановит разброд.

Всех призовет к послушанию
и приневолит закон исполнять.
Надо порядок везде навести, в армии первоначально,
потом в государстве.
Что государство без армии? – карточный фофан,
дунь и повалится набок.
Прав был Корнилов во всём, жаль только, поздно хватился.
Керенский перехитрил простака генерала.
Сам подстрекнул к выступленью, и сам же потом его предал.
Два слова крикнул: враг революции, и сразу
все ополчились, слева и справа на генерала.
Злобой звериной кипя, партии все бросились
жертву травить.
Так ненавистны им были слова о должном порядке в стране.

Очень любил Государь в караулку к солдатам ходить,
Только момент улучит, что комиссара там нет,
так сразу ладит туда.
Словно, как рыбка с берега речного
в стихию родную вернуться стремится,
Так было любо ему среди рядовых солдат побывать.
Слушать их речи простые, безхитростные
рассужденья, словно душой отдыхая.
Коль позовут сыграть в шашки, он никогда не откажет.
Выигравшего угощал папиросами из портсигара
своего золотого,
Многие очень хотели выиграть, редко кому удавалось.
Дороги не папиросы его, для солдата привычной махорка.
Гордость брала: как же, самого Царя обыграл.
Но уж очень ловок он был в шашки, ходит как будто шутя,
Быстро их так подвигает, будто не думая вовсе,
но уж глядишь,
И провёл свою в дамки, да не одну. И так бывало,
Что шашку, другую и третью поддаст,
а потом сразу пяток огребёт.
И никогда не смеялся, выиграв, не ликовал,
а даже ещё извинялся.

Наследник Цесаревич

хоть старательно очень искала.
Чтобы отвлечься от дум, письма писала изгнанница
людям, особенно близким.
Вырубовой Татиане (в иночестве Серафиме),
супругам Сыроболярским.
Больно и гордо читать переписку сию.
Пишет царица о детях, о муже, погоды касается вскользь,
но удивляет, трогает прямо до слёз,
Сожалеет страдалица порфирородная не об утрате
почёта, влияния, власти
И о другой мишуре, на которую люди так падки
и рвутся к её обладанью.
Нет, сожалеет царица о том, что не может быть
милосердной сестрой,
И лишена даже возможности страждущим
при перевязке помочь,
Иль утешить ласковым словом кого, ведь ласка
так в лазаретах важна.
Лучше любого лекарства слово любви исцеляет,
раны кровавые лечит.
Что же теперь, современные девушки этой работы стыдятся?
Подвиг любви он всегда был непрост и немногим
под силу, кто как царица
Свет Александра живёт для людей, а не для похоти
сладкой, и сиюминутной.
Подвиг души христианской переживает века
и республики, царства.
В те же минуты, когда душа жаждала отдохновенья от дум
и тревожных предчувствий,
Императрица садилась к роялю и в комнате
слышались Григ, Сибелиус, Лист и Шопен.
Пальцы бежали по клавишам, глаза вспоминали
белый любимый Bechstein elegant⁶ во дворце,
Только фальшивил рояль, клавиш один западал,
починить же его невозможно.

⁶ Бехштейн – всемирно известная марка рояля.

– В дом посторонних нельзя допускать, –
 так Ей отрезал начальник охраны.
– Но вы же будете с нами, – возразила Царица.
– Нельзя, я сказал, значит, точка.

Шествовал так день за днём, за неделей бежала неделя,
 месяц второй миновал
Их обитанья в Тобольске. Лето прошло, наступила
 дождливая осень.

Праздник нарядный Покров осень собою открыл.
Пушкин – волшебник осень в стихах описал неподобно.
И проходила их жизнь, протекала, словно в клепсидре⁷ вода.
Мало-помалу привыкли все к жизни Тобольской,
 но Царь и Царица чуяли:
Долго всё это длиться не может, ждёт всех развязка.

 Какая?
Что-то готовится там, в Петрограде, зреет как чёрная туча.
Снились тревожные сны, ночью слышались
 гулкие громовые раскаты.
Небо как будто вздыхало. Гром в ноябре,
 в звёздном небе, век не бывало такого.
Не обмануло предчувствие, вновь революция,
 переворот в Петрограде случился.
Сколько ещё будет их, видимо, далеко не полна
 чаша терпения Божия.

Снова грядут потрясения бедной России,
 сколько страданий и горя ей испытать доведётся.
Керенский – враль, говорун, ни на что,
 кроме слов не способный,
Власть не сумел удержать, так легко её
 с древа державного снявший.
Подстерегли его большевики, кто такие,
 ничего о них не известно.
Что ж поживём и увидим, Керенского, может, они поумнее.
Меньше недели прошло после событий в столице,
 как и в Тобольске

⁷ Клепсидра – водяные часы в античности.

Начало нечто происходит. Город сначала притих,
затаился, как будто все ожидали,
Что непременно должно приключиться,
пожар иль другое несчастье.
Город в ту пору был почти весь деревянный, часто горел,
И горожане боялись пожаров как жестокой беды
смертоносной.

Радости не было, лживы позднейших историков басни,
будто народ несказанно был рад
Власти советской пришествию, будто встречал он её
с ликованьем великим.

Правда, немного спустя, после первых вестей петроградских
Собраны все по приказу местные жители были.
На площади главной Соборной с флагами красными
скопилась толпа.

Речи гремели, яростно бухал оркестр, все кричали.
Дети прилипли к окошкам, на зрелище это дивуясь.
Мать-государыня, уши заткнув, в комнаты прочь удалилась.
Было невмочь слушать ей пенье на площади громовое.
Долго на улицах люди со знаменем красным бродили.
Громко горланили песни свободы, одна другой гаже.
За полночь только унялись, но Семья долго заснуть не могла.

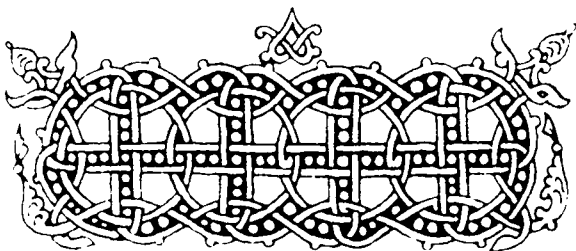
Новая власть, как метла, заводила иные порядки
Novus ab integro nascitur ordo⁹, римляне так говорили
Или по-русски: новая метла по новому и метёт.
Нововведение первое больно Царя уязвило,
воином был он душою.
Ему ж запретили в форме военной ходить,
снять приказали погоны.
Что же поделатъ он мог, воли своей не имея?
Снял, положил под подушку,
И перед сном грустно их гладил.
Странные люди, ставят в вину ему власть,

Снова рождается новый порядок (лат.).

На чердаке, пыльном и грязном, впервые за месяцы дум,
униженный, потерь, оскорблений
Он пожалел, что поддался минуте и добровольно
с престола сошёл,
Думским двум негодьям нахальным поверил,
что это нужно для блага России.
Всё оказалось обманом ужасным, предательством грязным.

Шёл восемнадцатый год, близилась светлая Пасха,
дети подарки готовили
Папе и маме, друг другу, доктору Боткину, слугам.
В годы былые к услугам их были первой руки ювелиры,
сам Фаберже
В искусстве своём изощрялся. И другие за честь
почитали царской семье услужить.
Нынче не то: ни алмазов, ни золота нет
в их распоряженье, но в сердце
Любовь есть,
Руки, готовые делать добро, чтобы радость
всем близким доставить.
Девочки вышивками занялись.

Брат, вместе с Жильяром, своим гувернёром,
Клеит, стрижёт. Отняли всё, но ведь Пасха осталась,
праздник никто не отнимет,
Радость никто не потушит, нет силы такой на Земле,
чтобы его погасить.
Вместе постились, молились, предполагали,
что им в Тобольске
Праздников праздник придётся встречать, но все ошиблись.
Помыслов тайных знать не дано было им,
Издалека муки и смерть начали им приуговаривать втайне.
Утром пришёл комиссар и сказал, чтоб готовились,
в путь собирались.
Дети вздохнули, взгрустнули, привыкли к Тобольску,
прижились.
Каково будет на новоселье? Но делать нечего.
Поезд огромный собрался,

ПЕСНЬ ПИТАТА

В Екатеринбурге

Царь и Царица на поезде прибыли
в столицу уральского края.
Здесь Ползунов народился, что паровоз
первый российский построил.
Также писатель известный Мамин-Сибиряк родом отсюда.
Думали Царь и Царица: пройдёт все спокойно и тихо,
но непонятно, как получилось,
Что о приезде их люди узнали, и тьма у вокзала
народа столпилась.
«Видимо, в местной ЧК кто-нибудь сплоховал», –
так им потом комиссар объяснил.
Извиняясь за переполненный массой народа перрон,
за выкрики злобные.
(Это велась подготовка к расправе,
попытка списать её на самосуд
Простого народа будто случайно, стихийно произошедший.)
– Дайте, пустите меня, в рожу им плюну, дозволейте, –
кто-то визжал истерично.
Всё было так безобразно, так шумно и злобно,
что на мгновенье Царица
Вид свой утратила царственно-гордый и величавый,
Но в самосуд столкновение развить не удалось.
Царственных путников вновь усадили в вагон,
переместив его на платформу другую,

И не стали чадо больного в дорогу не близкую брать.)
Всё же почувствовал Царь: Государыню тоже кольнуло
в сердце его наблюдение,
Просто не хочет Она лишнее вызвать волнение в сердце его.
Кроме забора тесового, (доски в два слоя внахлёт,
чтоб и малейшей не было щёлки)
Два пулемёта «Максим» на дворе изготовились,
хищно стволы наострили.
К бою готовы, но только вот с кем? Думал не раз Государь
и внезапно открылось, что всё это значит:
Гвалт на перроне, забор высоченный, пулемёты,
тревоги, что чуть не каждую ночь.
Всё это делалось ради того, чтоб тревогу неизменно
в сердцах их посеять.
Чтобы не жили спокойно, чтобы вечно тревога души их
грызла, чтобы не знали минуты покоя.
Видимо, с этой же целью вздумал играть комендант
еженощно тревоги.
Ночь на дворе, темень, хоть выколи глаз,
вдруг воздымается крик:
«Караул! Тревога! В ружьё!» Грубо разорваны сны,
топот несносный сапог,
Грохот прикладов о пол, взбалмошный крик переклички.
Дети страдают. Царица не спит. Царь коменданта просил
Реже тревоги играть, лоб тот наморщил, сказал:
– Требуют в штабе, чтоб мы боевую учёбу не запускали,
чтоб крепко
– Стояли на страже революции мы.
Мягко ему возразил Государь:
– Что ж боевая учёба у вас в том и заключена,
чтобы больной человек
Ночи не спал, чтобы дети дрожали в испуге,
а пулемёты зачем во дворе?
– Не понимаете вы, гражданин Романов, как я вижу,
сложностей мировой обстановки.
Ведь мировой капитал, как преисподняя гидра
на молодую республику нашу зубы оскалил.

Этого Вам не понять или, может, понять не хотите,
ну тогда с вами мы...
Царь испытующе глянул на говорящего. Нет, вроде бы
верит и сам в произносимую чушь.
Что же случилось с народом? С ума он сошёл? Только
не может никак весь помешаться народ.
Меры не знала охрана в придирках, так и искали,
что запретить, к чему бы придраться.
Им запретили с детьми говорить на других языках,
кроме русского.
– Но мы должны обучать детей языкам иностранным.
– Это зачем?
– Как зачем, если поедут они за границу,
как разговаривать будут?
В нашей семье каждый умел говорить
на трёх языках иностранных.
– Вас? За границу? – комиссар осклабился едко. –
А вы мечтатель.
Вам, как и детишечкам вашим, скоро едва ль языки
пригодятся.
– Что, уже всё решено? – быстро спросил Государь.
– Что решено? – комиссар спохватился,
лишнего, вроде, сболтнул. – Не говорил я ничего.
– В ваши дела вы меня не вплетайте. Я сторона,
И человек подневольный,
А говорить меж собой не по-русски, нет, не положено,
мне в штабе сказали.
Вы же носили полковника форму, знаете, что все уставы
писаны русским языком.
Вот вы и, будьте любезны, здесь вы пока, говорите
по-русски. Не разучились, надеюсь.
Но всё же просьба Царя была принята во вниманье,
тревоги частые прекратились,
Однако пулемёты остались стоять, как стояли. А в остальном.
Делали всё, чтоб Семье досадить, гадость позлее устроить.
Окна белилами густо покрасили, в комнатах сумрачно
стало.

Двери и в спальные комнаты не запирались,
каждый, кто захотел, мог в них войти.
Пользуясь этим, кто-то придумал забаву: поутру рано,
пока они не оделись,
В девичью комнату быстро гурьбою вломиться.
Так они сделали раз и другой, но Государь возмутился,
резко сказал комиссару,
Чтоб пресёк он безобразие гнусное это:
девушек юных пугать.
– Вы посрамиться должны, что себя так разнузданно,
хамски ведёте.
– Вы же солдаты, бойцы, а не шайка воров и бандитов.
Но перед этим Царица однажды, не утерпев,
перед солдатами встала
В лёгком ночном пеньюаре: – Что же смотрите, – сказала она,
Всех презрительным взглядом измерив,
чуть не прибавив: скоты.
Но воспитанье её Гессенской Mädchen¹⁰ не позволяло
так обращаться с людьми, с хамами даже.
Всё же один из солдат взор свой потупил,
краска стыда его щёки покрыла.
Видимо, мать свою вспомнил. Но он был один, другие
ржали по-жеребьячьи,
Детским испугом (Настеньке было пятнадцать)
по-прежнему упиваясь.
Чтобы сильнее Семейство унижить,
им запретили бельё своё прачкам сдавать.
Пусть, дескать, сами стирают. Нам белоручек не нужно,
они в свободной России отменены.
Знать не могли эти люди, что царица святая,
взяв послушанье сестры милосердной,
Сестрою была операционной, видела кровь,
раны страшные, муки людские,
И никогда не была белоручкою праздной, ленивой
и ни к чему не способной.

¹⁰ Mädchen – девушка (нем.)

А напоследок, хоть этим допечь
(а то не жалуются ни на что, всё терпят)
Семье объявили: – Вас на солдатский паёк переводят,
хватит в своё удовольствие есть.
Будете вы как солдаты на фронте питаться.
– В пайке есть хлеб аржаной, есть крупа, мясо и масло,
– сказал Государь
Каши наварим, щи завернём, приходите к нам,
милости просим.
– Всех накормить я готова, – громко сказала Царица, –
Руки пусть вымоют только.
И меж собой говорили солдаты в курилке:
– Вот это царь, ничем ты его не проймёшь.

В этом году была поздняя Пасха, пятого мая
по новому календарю,
Хотя Семья его не признавала,
(двадцать второго апреля по-настоящему).
Ждали её с нетерпением, от поста все немного устали,
особенно дети.
Но комиссар преподнёс им «подарок» пасхальный такой,
что все ахнули.
Сёстры и брат, мама вся побелела, отец же сжал кулаки,
но ничего не сказал.
– Службы церковной не будет, – так объявил он
в великий пяток. – Дома справляйте.
– Будьте настолько любезны сказать, –
кротко спросил Государь, – кем принято это решенье?
И почему вы лишаете праздника нас, коего мы
семь недель ожидали?
– Штаб так решил. Получено важное донесенье. Мне
приказали, что вам безопаснее будет дома остаться.
Праздника вас не лишает никто,
Празднуйте, сколько хотите, места тут много, –
Круг он широкий рукой описал, поклонился и вышел.
Гневное слово опять с языка у Царицы просилось,
но не дала она ему воли.

Толку от ругани грош, нервов одних раздраженье пустое.
Только затихли шаги комиссаровы, дети заговорили,
перебивая друг друга.

«Что ж получается, зря они, что ли, готовились,
понапрасну строгаи, клеили, шили?»

– Папа, скажи, ну а как же подарочки наши?

– Врёт всё он, врёт безпардонно, я уверен, –
выпалил Алексей, – врёт он про штаб, выдумки это его.

Чуть не сказал он: ползучего гада, но поостерёгся,
родители, знал, не по-хвалят за солдатское слово.

– Что это за человек, как он посмел? Пасха ведь
праздник такой! – девочки возмущались.

– Я полагаю, он просто дурак, – Лёша отрезал, –
и сказать ему надо об этом.

– Что ты творишь, Алексей? – урезонил отец его. –
Что за слова произносишь?

– Думаю, Лёшечка прав, – Настя сказала тогда, –
Плохо себя он ведёт этот дурной комиссар.

– Он негодяй и прохвост, – пылко крикнула Ольга. –
Я с Алексеем согласна.

– Приказываю вам замолчать. Я не позволю при мне
Пасху святую грязнить руганью площадной.

Так Государь им сказал:

– Прекратите. Вы мои дети и помните это.
Будем, как первых веков христиане, праздновать
в келье своей.

– Папа, а как же подарочки наши? Мы подарить
вам хотели их в храме, после обедни.

– Что же, подарите здесь. Главное, ваша любовь.
В храме не вышло, так здесь поднесёте.

В годы былые в кафедральном святого Исаакия храме
сотни людей замирали в благоговейном молчаньи.
И в тишине (слышно как потрескивают свечи)
из глубины алтаря раздавалось

Тихое нежное пение:

– Христос Воскресе... Второй раз погромче, в третий раз –
во весь голос.

И отверзались врата, с тысячным хором пел весь собор.
И выливался поток человеческий и обтекал он собор,
а в небесах

Победительно-громко гудели колокола.
Слышала Пасху Нева, слышал Всадник,
что мощной десницей Россию поднял на дыбы,
Слышал другой Император,
Клодта Петра изваянье, слышала Невская лавра,
Слышал и ликовал мощно Петрополь державный.

Узники Екатеринбургские праздновали Пасху скромнее,
сами читали Апостола.
Текст Литургии читал Государь, хоть и не был
в священнический сан посвящённый,
Но, как помазанник Божий, право читать Литургию имел.
Пели все вместе стихиру: Воскресение Христово видевшие.
Царь и Царица, слушая детское пение, душой умилялись,
музыку оба любили, отрадно, им было
Что у детей слух музыкальный есть и голоса,
им облегчение будет
В жизни земной, непростой, преисполненной
тяжких скорбей и печалей.

– Ну, Алексей, – после шутил Государь, –
ежели вдруг безработным окажешься,
То не тужи, будешь на клиросе петь, клирос прокормит тебя.
И христосовались потом, целуя друг друга с радостью,
даже со счастьем.

Все испытали предвестие счастья большого.
В чём состоять оно будет, этого не понимали.
Но, что оно неизбежно грядёт, чуяли все
и от души веселились.

Лишь одному Государю не плакать, рыдать захотелось,
смех детский слыша и лобызая
Любви своей милой уста. Что-то за окнами мнилось ему,
то ли глухие шаги

Тяжкой поступи неотвратимой, то ль завывание ветра
широкого, вдаль улетавшего.
Ведать не мог Государь, что за стенами Ипатьева дома,
Уже в январе Церковь родная его Православная,
на путь страданий ступила.
Ни римские кесари, гнавшие Церковь Христову,
ни мусульмане, строившие из черепов пирамиды,
Так христиан не гнали, как это делали те, кто о царстве
свободы кричал.
Шашками их посекали, кололи штыками,
в реках и в море топили, вешали, жгли.
И виновны они в том, что вопреки мучителям говорили:
«Верую во Иисуса Христа!»

А Государю на светлой седмице дар был неожиданный,
он даже вспомнил
Образ же есть чудотворный Богородицы:
Нечаянная Радость зовомый.
Во время прогулки к Нему подошёл человек незнакомый
в шинели.
– Вот Вам просфора с Пасхальной обедни, – быстро сказал
и что-то сунул в бумажке в ладонь.
«Как не боится он? Люди кругом», – в голове просверкнуло.
Но спрашивать было нельзя,
Подведёшь человека, жизнью рискует он,
на опасное дело решившись.
Дома, в своём кабинете, он развернул осторожно
листок папиросной бумаги.
И обнаружил просфору.
Сердце забилось в волнении сладком, как он
порадует Аликс, детишек родных.
Просфора была богородичная, недаром он сразу
о Деве Пречистой подумал.
Есть же во все времена добрые люди, которые
жизнью рискуя, хорошее делают дело.
В комнату общую быстро прошёл он и шёпотом
всё рассказал, дети чуть не вскричали «Ура!»

Скрани васъ Богъ.
Цалую крѣпко.
Любящіе васъ. Ваня

Ефрейторъ.
7

Ефрейтор Алексей Романов

Но Он их урезонил: если охрана узнает, будут
того человека искать и тогда ему плохо придётся.
Встав у икон, помолились они, потребили просфору,
но Государя что-то гнело.
Радости не было полной, словно бы кто-то сказал ему
добрую весть,
Но умолчал о самом заветном и ценном,
и недосказанность эта томила его.
Облачком смутным на душу ложилась, и как он ни гнал,
не уходила, не пропадала.
Но Государь всё ж оставался в сомненье немалом
от доброхота внезапного.
Строго его охраняли, шаг не давали ступить
без присмотра, а тут
Сунул просфору среди белого дня, почти на виду у охраны,
и не побоялся.
Всё же спросил Царь священника: «Благословил ли
просфору он передать?»
– Да, – подтвердил иерей, – он сказал, что для Вас,
а для Вас я готов всё отдать.
И Государь успокоился, хотя в голове и мелькнуло,
он никого не просил о просфоре.

Много забот обступило советскую власть молодую,
как управление Россией она начала.
Поспешно с немцами мир заключив,
вышла она из войны мировой,
Но спокойствие не наступило.
На Учредительном общероссийском собрание
Были должны все решить, как дальше жить будут,
кто будет править страной.
Царь или Дума, народ пусть решает. Как он рассудит,
так жизнь свою и устроим.
Большевики, посмеявшись, собрание то разогнали,
волю народа поправ,
Но несогласные многие были с узурпацией власти.
Кто эти большевики?

Кучка бродяг, прощелыг неизвестных и наглых,
на деньги чужие в Россию проникших.
Встали России сыны против дерзко народную волю
презревших.
Будем до смерти сражаться за неделимую Русь,
за единую, и православную.
Так беспощадной гражданской войны завихрило
смертоносное пламя
Рушились храмы и монастыри, приходили в негодность
заводы, нивы сорняк заглушал.
Стало на улицах страшно, ночью не уютно идти без оружия.
Но револьверов на всех не напасешься, к тому же мало
наган заиметь.
Надо иметь ещё смелость выстрелить из него,
а это не просто.
Как всё же легче, сытней и вольготней жилось
при Николае Царе.
Вспомнишь и охнешь, даже частушка такая запелась:
При царе, при Николашке ели белые олашки.
А как пришли большевики нет ни хлеба, ни муки.

Ленин, политикан незаурядный, первым почуял опасность,
и безошибочно понял:
Царский вопрос, надо решать его архисрочно.
Царь – это знамя. Убить его надо. Если вдруг кто-то,
отчаявшись, выдвинет лозунг – Царя!
Этот призыв отклик ответный в России найдёт у мильонов.
Но просто так не убьёшь его, надо с Европой считаться,
ведь уж и так
Социалисты различные из недорезанных шайкой бандитов
нас кличут.
Надо представить для всех, будто бежать он пытался,
охрана вдогонку стреляла,
И убивать не хотела, ранить старалась, целилась в ноги,
Но на старуху, известно, прорука бывает, уж так получилось.
Нужно, чтоб сблизился с ним наш человек,
в доверье вошёл, расположил

Что изрек как-то: «Деньги не пахнут».

Мудрый он был человек и перед смертью сказал

Нечто, что надо бы помнить.

Близость кончины почуяв, слуг он призвал,

И сказал: – Рекс умереть должен стоя, – повелел поднять его,

После чего дух испустил. *Aquila non captat muskas*¹², так я скажу:

Император не бегаёт, это во-первых,

а, во-вторых, без Царицы и деток

С места не тронусь, таково моё будет решенье.

План провалился.

Коль провокация с бегством не вышла, то,

не откладывая в долгий ящик,

Надо готовить прямое убийство,

а вину за него свалим на местный совет.

Нужно развеять ту ложь, что издавна существует:

будто екатеринбургский совет сам,

Никого не спросясь, расстрелять Государя с Семейёю решился.

Советская власть, как и любая в истории власть,

изменялась с годами.

В самом начале, однако, была немилосердна она и кровава.

Вся мировая история вряд ли такую припомнит.

За покушение Фанни Каплан были расстреляны

тысячи человек.

Впервые о Ленине услышавшие в камере смертников,

в ожиданье расстрела.

Эти правдивые цифры приведены

в советском журнале официально.

Ленина власть была сплошь подконтрольной и жёсткой.

Каждый, кто проявлял свою волю, и не послушал приказа,

казни подвержен был.

Щастного¹³ вспомним, он флот спас Балтийский от гибели,

а приказ был иной ему дан.

¹² Орёл не ловит мух (римская пословица) Большой человек не занимается мелочными делами.

¹³ Щастный А.М. (1881–1918) капитан 1 ранга, не выполнил приказ об уничтожении Балтфлота, по приговору суда расстрелян.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Последние дни

В Екатеринбурге тогда благочестивый жил иерей,
звать Иоанн Сторожев.
Часто в Ипатьевском доме бывал он, часто Семья
его в дом послужить приглашала...
От роду тихий и мягкий тюрем он не любил,
опасался чего-то.
И с неохотою их посещал, когда к арестантам
на требы его посылали.
Если бы не любовь к Государю, детям, Царице,
ни за что сюда не пошёл бы.
Хоть Государь и не правил Россией, но для Иоанна
он оставался Царём,
Помазанником Божиим, чтил он Его, сострадал Ему
всей православной душой.
Так и четырнадцатого июля с дьяконом здесь оказался.
В комнате все собрались, где службы обычно творились.
Диакон кадило раздул, в комнату ладана запах истёк.
Царь и Семья умиленно, прилежно молились,
в сердцах их молитва горела,
Думалось о свышнем мире, о горних чертогах, где свет
невечерний предвечно струится.
Там, идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание,
но жизнь безконечная.
В чине обедницы есть отрывок из службы заупокойной.
И только диакон, ароматным кадилом качнув, громко
прочёл нараспев:
– Со святыми упоко-о-о-й, Христе многами-и-илостиве-е.

Тут же услышал священник, как разом Семья встала
вся на колени.
Как жили вместе одною душой, так и с жизнью
все вместе прощались.
Диакон осёкся (ком в горле встал),
но тут же продолжилось чтение.
В траурно-скорбном молчанье пришла к завершенью
недолгая служба.
После богослуженья все приложились к кресту,
и Государь еле слышно,
Только движением губ, словно чего опасаясь прошелестел:
– Благодарю.
Это последний подарок был на нашей земле горемычной,
что получила Семья в жизни короткой, земной.
Вышли отцы иерей и диакон из дома, молча по улицам шли,
друг на друга не глядя.
День спелый был, жаркий июльский денёк сенокосный.
Много под быстрыми косами
Трав свои знойные головы сложат, птахи им песни будут
петь луговые,
Будут над ними таинственно луны всходить, будет
мечтаться и петь, неутешно и горестно плакать.
На перекрёстке прощались диакон и поп
(дом был чуть виден вдали).
– Знаешь, отец иерей, – дьякон негромко сказал, –
что-то случилось у них.
И он наверх посмотрел, будто искал там ответ.
– То же заметил и я, – отец Иоанн согласился. –
Вялые что-то они, словно не спали всю ночь.
Даже Алёша не ласков ко мне.
Раньше, лишь только войду, ластится, благословения
просит.
Нынче ж в сторонке стоит, как чужой. Не улыбнулся.
Хоть бы не сделалось что.
И, не сговариваясь, оба перекрестились, каждый
взмолвившись: – Помилуй их, Боже!

Сам я солдат, не одни сапоги износил,
знаю солдатскую жизнь.
Мы для себя ничего, Боже, не просим, лишь бы Россия жила,
Девы Пречистой приют и оплот. Бури промчатся над нею,
Войны свирепые, глады и мор, всё не минует Её.
Но превозможет
Все испытанья она, что Бог милосердный
для вразумленья пошлёт,
Как серебро, искушённое мздой седмиричной,
семь лет по десять такая грядёт череда.
Встанет Россия как Мать всем народам Земли.
Всех приголубит она.
Жаждающих всех напоит, алчущих пищей снабдит,
голых оденет она,
Слабым защиту подаст, сделает так, чтобы впредь мир
стал уделом земным.
Чтобы со слабым ягнёнком рядом лев грозный возлёт...

Здесь мы задёрнем завесу времён,
что по нашей молитве смиренной
Сам Господь приоткрыть нам слегка соизволил,
нашему скудному дару
Силу придал, чтоб поведать народу о подвиге
славных своих.

Мы умолкаем, ни слова не скажем о том,
как совершалось злодейство.
Если продолжить рассказ, то придётся
и тех имена называть кто к злодейству причастен.
Вспомним ещё раз поэта:

Nomina sunt odiosa, и потому мы за полезное
Посчитали эти страницы их именами не осквернять.
Слава есть добрая, есть и худая.

Эти же люди славы никакой не достойны.
Только проклятье и ныне, и присно, и во веки веков.
Травы на могилах их не растут, мать сырая земля ихних
гнушается тел.
Произвести не желает она даже травину от них.

Их имена нам не нужны, они нам не интересны.
Избежав земного суда, кары небесной
Они не избегли, нелицемерный Судия их там встретил,
каждому должную меру воздал.

Завершение

Век прошумел над Россиею, Родиной милой,
с ночи той достопечальной,
Когда унылым путём в мрачный и душный подвал
святая Семья снизошла.
Много раз сменила земля свой покров травяной,
много сменила она пышных древесных корон.
Дома того уже нет, дом был снесён человеком
невежественным, диким.
Но не зарастёт никогда память о русском Царе,
славу земную и власть
В ничто вменившего, узы достойно понесшего
вместе с Семьёй своей Боголюбивой.
Молится ныне и присно святая Семья
о народе Российском.
Царь и Царица и пятеро чистых, светлых детей,
чтоб нерушимо России стоять,
Веру хранить
Миру всему слово Христово нести.
С тем и закончим. Аминь.

Святые угодники, молитве Бога о нас

Книги, которые способствовали созданию поэмы

1. А.Н. Боханов. Николай II. – М.: Молодая гвардия, 1997.
2. А.Н. Боханов. Распутин. – М.: Аст пресс, 2000.
3. И.В. Гёте, Герман и Доротея: собр. соч. в 10 тт. – М., Худ. литература, 1977.
4. Житие и страдания Благоверного Царя Николая Александровича и Его семьи. В книге: Материалы, связанные с вопросом канонизации царской семьи М., Синодальная Комиссия РПЦ по канонизации святых, Софрино, 1996.
5. М.П. Ирошников, Л. А. Процай, Ю.Б. Шелаев. Николай II. – СПб.: Духовное просвещение, 1992.
6. С.С. Ольденбург. Царствование императора Николая II. – СПб.: Петрополь, 1991.
7. О.А. Платонов. Николай Второй. Жизнь и царствование. – СПб., 1999.
8. О. А. Платонов. Николай Второй в секретной переписке. – М., Родник, 1996.
9. «Проявите гуманность и убейте сразу» // Источник. – 1998, № 1, с. 78.
10. Царь и Россия: сборник статей. Отчий дом. – М., 2017.
11. Цесаревич. – М.: Вагриус, 1998.

Литературно-художественное издание

Роберт Александрович Балакшин
В ЕКАТЕРИНБУРГЕ 17 ИЮЛЯ 1918 г.

Поэма

Редактор А.А. Цыганов

*Подготовка оригинал-макета Е.А. Черкашиной
Печать М.Ю. Романовой, переплёт Е.Л. Волковой*

Подписано в печать 19.01.2018. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3,48. Тираж 300 экз.
Заказ 381. Бумага офсетная. Печать цифровая

ООО «Издательство «Сад-огород», 160033, г. Вологда, ул. Текстильщиков, 20-а,
тел.: 8 (8172) 73-12-22, e-mail: vologdapost@yandex.ru

